
Сандра Барро
Книга счетов
Фабрикантки

Сандра Барро
Фабрикантки

https://litres.ru/75008959
SelfPub; 2026

Аннотация

Нацарапала на «Гелике» жениха «Фитилёк 12 см» и рванула с сестрой подальше от токсичных отношений и неблагодарной работы! Но судьба распорядилась по-иному.

И вот мы уже в перевёрнутой карете у старинного кладбища под Бостоном 1905 года. Вокруг — чужая эпоха, траурные платья, кем-то подпиленная ось экипажа и дедушкина фабрика на грани разорения.

Местные хищники ждут, что сиротки Корвин опустят руки? Не дождутся! Белка видит финансовые махинации за версту, а я — инженер-механик с высшим образованием. Не зря мужики называли меня Алька — Золотые ручки! Мы выведем врагов на чистую воду, превратим убыточную фабрику в процветающую империю и обязательно встретим настоящую любовь. А тому, кто рискнёт бороться за наши сердца, придётся не отставать на поворотах!

Хеппи-энд гарантирован. Вкладка 3 раза в неделю, пока пишется «Комбинация Любви».

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 13
Глава 3 21
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Сандра Барро
Фабрикантки

Глава 1

В ремонтной зоне «Гранд-Гаража» стоял привычный рабочий гул: басовито гудели гидравлические подъёмники, на соседнем посту визжал пневмогайковёрт. А в воздухе висел густой родной коктейль из дорогой синтетики: девяносто восьмого бензина и едкого очистителя тормозов. Сюда, в закрытую промзону недалеко от Рублёвки, на эвакуаторах свозили ушатанные в ночном дрифте спорткары, капризные «Майбахи» и коллекционные раритеты, к которым обычных слесарей даже на пушечный выстрел не подпускали.

Я выбралась из смотровой ямы, придерживая в руке тяжёлый динамометрический ключ, и медленно повернула голову к верстаку. Там, вжав голову в плечи, переминался с ноги на ногу наш новый стажёр Ромка. Перед ним на чистой ветоши покоилась разобранная головка блока цилиндров от восьмицилиндрового «Порше».

— Рома, — ласково позвала я, трогая пальцем кончик носа и наверняка оставляя на нём свежий мазок отработки. — Скажи мне, мамина царапка, ты чем фазы газораспределения выставлял? Глазомером? Или к бабке-гадалке бегал?

Стажёр побледнел и мелко заморгал.

— Алевтина Фёдоровна, так ведь метки же... Я по мануалу... Я думал...

— Не думай, Рома, это вообще не сильная твоя сторона, — оборвала я его, с металлическим лязгом опуская ключ на инструментальную тележку. — У тебя руки заточены только чтобы в «танчики» рубиться да фильмы для взрослых в интернете искать. Ещё бы на ползуба ошибся — и клапана встретились с поршнями так нежно, что мы с тобой этот мотор до пенсии выкупали бы. Где вас только учат таких, жертв дистанционного образования? Надавать бы тебе по башке этим распредвалом, да жалко. Деталь немецкая, дорогая — погнётся об твою тупую кость. Пошёл вон с глаз моих, неси микро́метр и стой рядом молча. Дыши через раз.

Ромка, пятясь, рванул к шкафам, едва не сбив по дороге мусорный бак. А из-за стеклянной перегородки клиентской зоны уже выплывал хозяин сервиса — Руслан Магомедович Гаджиев. Вальяжный, в белоснежном поло и мягких мокасинах, он шёл по промасленному бетону так, словно прогуливался по набережной в Сочи. На безымянном пальце тускло поблёскивала массивная золотая печатка.

— Алевтина, не впадай в амбицию! Я ж со всей душой, а ты — в милицию... — пропел он с сильным южным акцентом, растягивая гласные и расплываясь в широкой масляной улыбке.

Я закатила глаза и со злостью стянула прорезиненные пер-

чатки.

— Руслан Магомедович, вот слушайте, как же вы все меня достали с этой песней! Прямо воротит уже. Кому имя ни назови, сразу начинают идиотски лыбиться и Трофима завывать. Будто я истеричка какая-то базарная! Я, между прочим, дипломированный специалист с высшим инженерным образованием. Хотя спасибо и на том, что хоть про «обезьяну с гранатой» в моём присутствии шутить перестали.

— Вах, красавица, ну зачем сразу ругаешься? — хозяин примирительно поднял пухлые ладони. — Кто шутит? Тот жить не хочет! Мы же тебя на руках носим. Золотые руки у тебя, Алевтина Фёдоровна, цены тебе нет в Москве! Ты это... не задерживайся сегодня сильно в боксе, да? Там Султанчик скоро заскочит. Пригнал ту «немку» белую, ну, купешку битую. Надо глянуть по-быстрому, по-братски, что там с турбиной. Кроме тебя никто не разберётся.

Я только криво усмехнулась. Ну, конечно. «По-братски». Знаем мы эти родственные подряды: дядя владеет сервисом, а племянник-перекупщик таскает сюда премиальный автохлам, чтобы я за красивые глаза и кавказские комплименты реанимировала мертвецов за половину прайса.

Не удостоив шефа ответом, я развернулась и пошла в сторону раздевалки. Горячий душ смыл запах моторного масла и усталость. А когда я вытерла запотевшее зеркало, оттуда на меня посмотрела вполне себе привлекательная женщина тридцати пяти лет. Стройная, подтянутая — попро-

буй тут растолстей, когда целыми днями таскаешь железо, — с густыми каштановыми волосами до плеч и тёмно-карими глазами. Когда я ухмылялась, на щеках появлялись вполне безобидные девчоночьи ямочки, но прямой, наглый взгляд быстро отбивал у любого мужика охоту проверять мои личные границы.

Алевтина Фёдоровна Потароча собственной персоной.

Мужики в ремзоне и постоянные клиенты за глаза, а иногда и в лицо, звали меня «Алька — Золотые Ручки». Во-первых, за то, что я на слух определяла стук гидрокомпенсаторов и перебирала немецкий автопром лучше любого прожжённого автомеханика. А во-вторых, все как один твердили, что я похожа на актрису Анастасию Микульчину из сериала про легендарную одесскую налётчицу Софью Ивановну Блювштейн.

Что ж, воровать я не умела, а вот страсть к моторам досталась мне по наследству от родного отца. По классике жанра папаша страстно желал наследника, а получилась я. Впрочем, батя горевал недолго: стоило мне научиться ползать, как он смекнул, что дочь совершенно не интересуют пупсы, и начал при каждом удобном случае таскать мне железные модельки и настоящие подшипники.

Впрочем, это скоро закончилось. Когда мне стукнуло шесть, мать с ним всё-таки развелась — ей до чёртиков надоело отстирывать его вечно засаленные робы и дышать перегаром вперемешку с бензином АИ-80. Но запретить бегать

к отцу она мне не могла. Начиная с первого класса, я топала в школу две остановки совершенно одна — как раз мимо длинного ряда кооперативных гаражей, где папа пропадал сутками. Это сейчас столичных деток чуть ли не до института за ручку водят, да на джипах с охраной возят. А в моём провинциальном детстве в Лисках работала простая схема: два раза показали дорогу через пустырь — и будь любезна: дальше сама. Взрослым некогда было заниматься ерундой, все выживали как могли.

Матушка моя, местная библиотекарша, выживанием особо не заморачивалась — она всю жизнь витала в розовых облаках любовных романов в мягких обложках. Реальный быт и обиды старшей дочери её совершенно не трогали, зато она обожала тешить себя байками о «благородном происхождении». По семейному преданию, наш прапрадед Воронов до революции был человеком крутым и весьма зажиточным, а его брат-близнец ещё в девятнадцатом веке удрал искать счастья в Америку и якобы сколотил там целое состояние. Мама то и дело с придыханием доставала из бархатного альбома пожелтевший картонный снимок двух плечистых близнецов в добротных сюртуках с часовыми цепочками. Мне это казалось несусветной глупостью: гордиться какими-то мифическими богатыми предками, когда ты сам ничего не добился в жизни.

Вскоре после развода с моим пьющим, но рукастым батей она привела в дом Аристарха Ивановича Пузикова. Школь-

ный учитель математики — лысеющий рыжеватый субтильный очкарик с вечно поджатыми губами.

Они скоренько поженились, и через положенные девять месяцев в молодой семье родилась общая дочь. Мать в порыве романтического бреда — то ли в честь любимой книжной героини, то ли с оглядкой на ту самую заокеанскую родню — нарекла малышку на иностранный манер: Анабель. Сама она звала младшую исключительно этим вычурным именем, Пузиков сюсюкал «Анечка», ну а для меня сестрёнка очень быстро стала Белкой. Потому что, как только подросла, выглядела точь-в-точь как забавный лесной зверёк: рыжие волосёнки, вечно торчащие двумя смешными хвостиками, длиннющие ресницы и раскосые хитроватые глаза. Ореховые, с зеленоватыми крапинками. Когда она задумывалась, то невероятно потешно морщила нос. В отличие от меня, колючей бунтарки, тихая и покладистая Белка с пелёнок стала всеобщей любимицей и отрадой Аристарха Ивановича.

И ведь какая ирония: голова у меня была светлая, логика железная. Алгебра, геометрия и физика шли просто как песня: я щёлкала сложнейшие задачи на раз-два. Но в средней школе дорогой отчим с ослиным упрямством выводил мне в журнале жирные тройки. Это было обидно. «Чтобы в педколлективе не подумали, будто я падчерице подсуживаю!» — назидательно вещал он за ужином, протирая очки салфеткой. А мать лишь мечтательно кивала, перелистывая очередную книжку про страстных маркизов.

Пришлось в седьмом классе проявить невероятную твёрдость и устроить дома тихий бунт. В итоге меня, ко всеобщему облегчению, перевели в соседнюю гимназию. Там, без родственного надзора, мои оценки по точным наукам с геометрической прогрессией поползли вверх. А после выпускного я легко, с первого захода, поступила на бюджет в Воронежский политех, выбрав совсем не девчачью кафедру «Автомобили и тракторы». Пока бывшие одноклассницы зубрили бухучёт и педагогику, я с упоением грызла классическую инженерную базу: сопромат, термех, термодинамику, теорию машин и механизмов. Политех выковал из меня настоящего технаря, научив видеть и просчитывать любую конструкцию буквально насквозь — от мелкого винтика до ведущего моста.

Самое смешное, что когда моё имя появилось в списках зачисленных на бюджет, Пузиков тут же важно надул щёки и торжественно объявил матери, что это целиком его педагогическая заслуга. Мол, если бы он тогда не держал меня в ежовых рукавицах и не ставил тройки, я бы расслабилась и никуда не пробилась. Я тогда только криво хмыкнула, глядя поверх его блестящей лысины, и припечатала:

— Конечно, Аристарх Иванович. Тут не поспоришь. Ваша главная заслуга в том, что я научилась безошибочно отличать настоящих учителей от мелких пакостников с комплексом вахтёра. Если бы я осталась учиться у вас, то кроме места в ларьке мне в жизни ничего не светило. Вы так вдохно-

вили своим занудством, что я готова сейчас хоть ракетостроение выучить, лишь бы свалить из этого дома куда подальше.

Мать охнула, схватившись за сердце, отчим пошёл пятнами и открыл было рот для очередной нотации, но слушать я не стала — просто подхватила собранную спортивную сумку и в тот же вечер уехала в воронежскую общагу. С концами.

Я тряхнула головой, отгоняя наваждение, и потянулась за чистой одеждой. Быстро переоделась в джинсы и мягкий кашемировый свитер, взбила пальцами подсохшие после душа каштановые пряди. На скамейке в раздевалке коротко тренькнул телефон.

«Родная, я подъехал. Жду у мойки», — высветилось сообщение от Султана.

Я снова взглянула в зеркало, и привычная напускная маска уверенности вдруг дала тонкую трещину. Там, в боксах, среди железа и гудящих подъёмников, я была королевой. А вот в собственной личной жизни умудрилась загнать себя в совершенно дурацкое, унизительное положение. Тридцать пять лет за плечами, а нормальной семьи как не было, так и нет. Все мои прежние романы заканчивались по одному сценарию: либо я сама выставляла кавалера за дверь, либо мужики сбегали, роняя тапки и не выдерживая моего язвительного нрава.

И только Султан Гаджиев, харизматичный племянник нашего шефа, задержался в моей жизни на целых пять лет. Поначалу красиво ухаживал, буквально на руках носил, преду-

гадывал любое желание. А потом как-то незаметно всё сошло на нет. Живём раздельно, встречаемся урывками, когда он соизволит позвать к себе или когда нужно срочно реанимировать очередную тачку. Я жду кольца и определённости, а он кормит меня завтраками и находит тысячи отговорок.

Выйдя в прохладный сквозняк приёмной зоны, я сразу увидела его. Султан стоял у панорамных ворот мойки во всём своём великолепии: дорогая кожаная куртка сидит как влитая, белозубая улыбка на миллион, вокруг витает шлейф умопомрачительного брендового парфюма. Рядом с ним сиротливо притулился свежий трофей — представительский «Мерседес» с прилично развороченной мордой. Опять перекупил битьё за гроши, чтобы после моего ремонта впарить кому-нибудь втридорога.

— Алечка, красавица моя! — Султан шагнул навстречу, включая своё фирменное обаяние на полную катушку.

Глава 2

Тёплые пальцы мужчины ласково скользнули по щеке.

— Золотце, вся надежда только на тебя, — промурлыкал он, заглядывая в глаза. — Только твои чудесные ручки могут эту ласточку с того света вытащить. Сделай в ноль, чтоб как новенькая была, а? Я в долгу не останусь, ты же знаешь. Вот провернём эту сделку, скину тачку — и сразу махнём на море. Вдвоём. Снимем лучший люкс с видом на закат, клянусь!

Я цинично хмыкнула, отлично понимая цену этим горячим клятвам. Но внутри, вопреки всем доводам разума, снова предательски шевельнулась глупая женская надежда. И я, как дура, в очередной раз повелась.

— Ладно, сказочник, не мельтеши, — вздохнула я. — Загоняй свою страдалицу в третий бокс. Завтра с утра проведу полную диагностику. Посмотрим, что там по железу и электрике осталось живого.

— Вот и умница! — Султан просиял и звонко чмокнул в щёку, обдав шлейфом восточного парфюма. — Мне тут по делам отъехать надо на пару дней. Как вернусь — сразу наберу. Сходим куда-нибудь в ресторан или прямо ко мне доставку закажем. Шашлычок, коньячок... — он сверкнул безупречной белозубой улыбкой, красноречиво поводя бровями и явно намекая на горячее продолжение банкета со всеми вытекающими.

Весь следующий день с утра до вечера я буквально не разгибала спины, колдуя над пригнанным спорткаром. Помогали мне Димка с Артёмом — ребята молодые, рукастые и, в отличие от стажёра Ромки, с нормальными мозгами. Работа кипела под бодрый трёп и вечное слесарное зубоскальство.

Когда за считаные минуты вслепую нащупала причину плавающего пропуска зажигания в глубине капризного мотора, Артём не выдержал — опёрся локтем о крыло и уставился на меня с неприкрытым восхищением:

— Алевтина Фёдоровна, ну вы просто космос! Честное слово, я бы на такой женщине не глядя женился. Красивая, умная, и движок переберёт, и мозги выносить не станет!

— Остынь, Ромео, — со смехом фыркнула я, вытирая руки ветошью. — Не по Хуану сомбреро! Не потянешь ты мои запросы, Тёмка, разоришься на одних только наборах головок.

Парни дружно расхохотались, но уже через секунду я боковым зрением заметила, как они странно, слишком уж многозначительно переглянулись между собой и быстро уткнулись в работу. В груди неприятно царапнуло, но я тут же отмахнулась от дурного предчувствия. Мне нужно было заглянуть внутрь третьего цилиндра — проверить задиры на стенках.

Я сунулась в инструментальную тележку за своим личным гибким эндоскопом, но верхний ящик встретил меня пустотой. Выругавшись сквозь зубы, перерыла весь верстак, загля-

нула в шкафчик в раздевалке и только потом хлопнула себя по лбу. Точно! На той неделе курьер привёз прибор из калибровки прямо к вечеру, я закинула компактный кейс в сумку, поехала к Султану и выложила его в прихожей на комод, чтобы не мешался.

Работать старьём с мутной камерой не хотелось категорически. Переодевшись, достала телефон и набрала Султана — пусть предупредит консьержа или хотя бы знает, что я заеду.

«Абонент временно недоступен», — равнодушно отчеканил механический женский голос.

Я нахмурилась. Порылась в боковом кармашке сумки и выудила связку ключей от его квартиры. Мужчина вручил мне дубликат ещё полгода назад — мол, на всякий случай, мы же близкие люди. Правда, я своими принципами не поступалась и никогда не входила в чужое жильё без спроса, даже если хозяин был в отъезде.

Постояв у выхода из сервиса, я набрала номер ещё раз. Тот же монотонный ответ оператора. Ладно... Заскочу на одну минуту, заберу кейс с комода и пулей обратно.

На стоянке меня дожидался верный бирюзовый «Гольф». С моими заработками я давно могла бы скинуть этого старичка и взять из салона что-нибудь свежее и пафосное, но рука просто не поднималась. «Парень», как я ласково окрестила «Фольксваген», обладал поразительным благородством: он никогда не вставал колом посреди трассы. Даже если что-то летело к чертям, на последнем издыхании, чихая

и кряхтя, дотягивал до дома или сервиса. И тогда уже умирал на парковке. Будто извинялся: «Прости, хозяйка, я сделал всё, что мог». Настоящий породистый немец — недаром в ПТС в графе «место сборки» гордо значился город Дюссельдорф.

Через сорок минут я свернула в тихий элитный двор с закрытым шлагбаумом и по привычке втиснула своего бирюзового «Парня» на свободное место у тротуара. Заглушила мотор, нажала ручник, подняла глаза — и замерла с ключом зажигания в пальцах.

Прямо по соседству, нагло поблёскивая свежевымытыми чёрными боками и тонировкой, стоял «Гелендваген» Султана.

Странно. Очень странно. Он что же, по сверхважным делам на поезде укатил? Или в аэропорт на такси подался, бросив любимую игрушку во дворе?

Пожилой консьерж благополучно посапывал на своём месте, откинувшись на спинку кресла. Я прошла мимо, вызвала лифт и, дождавшись, поднялась на этаж. Бесшумно провернула ключ в замке, шагнула в квартиру, щёлкнула выключателем в прихожей — и тут же уставилась на живописный натюрморт у коврика. Рядом с пижонскими туфлями валялись ярко-розовые босоножки на высоченной шпильке.

Из приоткрытой спальни доносилась характерная возня, скрип кровати и томное женское хихиканье.

Значит, по делам уехал, труженик тыла. На пару дней.

Подхватив с комода кейс, сунула его в сумку и без стука распахнула дверь спальни. Картина маслом просилась прямиком в Третьяковку. В свете бра, на моём так называемом женихе, картинно запрокинув голову, восседала девица с водопадом наращённых белокурых волос, достававших до необъятной пятой точки. А счастливый Султанчик, расплывшись в блаженной улыбке, обеими пятернями вдохновенно мял её голую силиконовую грудь пятого размера.

На прикроватном столике стояла початая бутылка шампанского, коробка конфет и широкое блюдо с бутербродами, щедро намазанными сливочным маслом и красной икрой.

Плакать и биться в истерике я не собиралась — много чести. В два шага преодолела комнату, схватила блюдо и вывалила гору бутербродов прямо на белокурую макушку ошарашенной наездницы. А следом, не теряя ни секунды, сгребла бутылку, зажала горлышко большим пальцем, яростно взболтала и пустила тугую пенную струю прямо по голубочкам.

Девица завизжала и судорожно принялась натягивать на свои прелести мокрую простыню, размазывая масло по щекам.

— Суслик, это ещё чё такое?! — заорала она, отплёвываясь от икры. — Кто эта придурошная?! Убери её отсюда!

Суслик?! Так вот ты какой, гордый кавказский орёл!

Багровый, мокрый Султан, отборно матерясь и одновременно пытаясь выдать что-то жалкое в своё оправдание, за-

путался ногами в пододеяльнике и неуклюже свалился с кровати. В густой чёрной шерсти на груди, словно нарядные новогодние бусины в брызгах игристого, живописно переливались прилипшие красные икринки.

Дожидаться, пока этот ощипанный павлин обретёт дар речи и попытается выставить меня за дверь, я не собиралась. Развернулась и вылетела из квартиры, на прощание от души грохнув входной дверью.

Выскочив из подъезда, я остановилась, тяжело дыша. Руки мелко потряхивало от адреналина. И тут мой взгляд упёрся в его сверкающий угольно-чёрный «Гелендваген». Гаджиев пригнал его совсем недавно и носился с тачкой как дурень с писаной торбой — гордился неимоверно, буквально пылинки сдувал и каждые полчаса любовно полировал бока микрофиброй.

Внутри что-то окончательно перемкнуло.

Не помня себя от ярости, рванула к своей машине и дёрнула крышку багажника. В ящике с автохимией тут же нашёлся початый баллончик белой акриловой эмали — держала про запас, чтобы подкрашивать мелкие сколы. Я яростно встряхнула его, слушая, как звонко цокает внутри металлический шарик, сорвала колпачок и размашисто, во всю длину дверей, вывела крупными печатными буквами:

«СУСЛИК — НОСАТЫЙ ЛОХ!»

Полюбовалась секунду: нет, маловато будет!

Метнулась обратно в салон, выудила из подлокотника

свою любимую плоскую отвёртку и, со всей дури вдавив металл в девственное заводское покрытие, с мстительным наслаждением процарапала прямо под краской, до самого грунта и жести: «Фитилёк 12 см».

Металл издал чудный, ласкающий слух скрежет.

В этот самый момент громко бухнула подъездная дверь. Я обернулась через плечо и едва не расхохоталась в голос: ко мне через двор, с грацией раненого орангутанга, нёсся Султанчик. В одной туфле на босу ногу, со всклокоченной шевелюрой и в шёлковом сползающем покрывале, которое он придерживал на волосатых бёдрах одной рукой, пока второй грозил мне кулаком.

Терять время не стала. С особым цинизмом продрала рядом с «фитильком» жирный, глубокий восклицательный знак, швырнула баллончик с отвёрткой на коврик и пулей влетела на водительское сиденье. Ключ на старт, педаль в пол — верный «парень» с визгом рванул с места, оставляя на асфальте чёрные полосы жжёной резины. Родной не подвёл и здесь.

В зеркало заднего вида я успела поймать феерическую картину: мой любвеобильный кавказский мачо добежал до испоганенного «Гелика», увидел художества и, забыв про сползающее покрывало, картинно рухнул на корточки, схватившись обеими руками за голову.

Только вывернув со двора на широкий проспект, я почувствовала, что по щекам катятся горячие злые слёзы. Я ве-

ла машину, сжимая руль, и давилась этими непрошеными всхлипами. Внутри всё ещё клокотала ярость. Но злилась я вовсе не на предательство мужика, который бессовестно пользовался моими руками и связями, кормя завтраками и обещая золотые горы со штампом в паспорте. Тошно и противно было от собственной непроходимой бабьей тупости! Ведь тридцать пять лет на свете живу — стреляный воробей, циник прожжённый, а растаяла, как последняя малолетка, от бархатного баритона и восточных сказок про любовь.

Где-то на самом донышке души шевельнулось неоспоримое. Я ведь с самого начала знала, что Белка права. Младшая сестрёнка при каждом удобном случае осторожно капала мне на мозги, повторяя, что никакой свадьбы с Гаджиевым не будет. «Этот мусульманский мамин пирожок никогда на тебе не женится. Вот увидишь, Алька, — вздыхала она, поправляя очки на переносице, — я ни капли не удивлюсь, если в родной Махачкале его давно дожидается скромная послушная невеста. А то и вообще уже есть законная жена с кучей детишек. Тебя он просто водит за нос, потому что ты удобная и машины ему задаром чинишь!»

И ведь как в воду глядела, мой рыжий, прагматичный бельчонок.

Глава 3

Я зло утёрла щёки и решительно шмыгнула носом. Хватит сырость разводить! Слезами делу не поможешь, а вот трезвая голова мне сейчас ой как пригодится. Внутри словно щёлкнул тумблер: обида и ярость выгорели, уступив место холодному расчёту.

Я покосилась на телефон, лежавший на приборной панели. Экран оставался тёмным. Странно, что Гаджиев до сих пор не оборвал мне номер и не засыпал голосовыми с проклятиями. Значит, когда он нёсся за мной в своём дурацком покрывале, либо выронил и разбил трубку об асфальт, либо вообще забыл наверху. А теперь наверняка скачет вокруг изуродованного «Гелика» в одной туфле. Пока оценит ущерб и доберётся до своей голосистой блондинки, время есть.

Все последствия просчитала за секунду. Работать в этом сервисе я, понятное дело, больше не буду. А за расписной «Гелендваген» Султан с меня три шкуры спустить попытается. Но пока этот герой-любовник приходит в себя, у меня есть фора в полчаса! Со дня на день его дядюшка, Руслан Магомедович, должен был выдать мне расчёт в конверте. Белая зарплата у нас числилась смехотворная, для налоговой, а вот «чёрная» набегала вполне приличная. И дарить этим кровопийцам свои кровные я точно не собиралась!

Я вдавила педаль газа в пол, перестраиваясь в крайний

левый ряд. Через пятнадцать минут мой «Гольф» со свистом влетел на парковку автосервиса. Припарковавшись прямо у выезда, чтобы потом не тратить драгоценные секунды на развороты, я быстрым шагом направилась в административное крыло.

Перед дверью шефа сделала глубокий вдох, согнала с лица всякое выражение, кроме деловой озабоченности, и без стука шагнула в кабинет.

— Руслан Магомедович, вам Султанчик ещё не звонил? — выпалила я с порога, слегка запыхавшись, словно бежала сюда со всех ног ради общего семейного интереса. — У него с телефоном беда, трубку разбил, сказал, с чужого номера сейчас наберёт!

Дядя оторвался от бумаг и ошарашенно уставился на меня поверх очков:

— Нэт, нэ звонил. А что случилось, Алевтина? На тебе лица нет!

— Да какое там лицо! — махнула я рукой с самым убедительным азартом. — Он меня к вам стрелой прислал. Срочно наличка нужна, Руслан Магомедович! Такую ласточку на закрытом аукционе откопали — чудо расчудесное, свежий «Порше» после лёгкого скользящего удара. Хозяин в долгах, отдаёт за полцены, лишь бы сегодня нал увидеть. По кузову работы всего ничего, я за три дня в идеал выведу, а срубим на перепродаже вдвое больше! Но там перекупы уже в спину дышат, надо залог прямо сейчас везти, иначе уведут из-под

носа!

Я без тени смущения озвучила кругленькую сумму — как раз такую, чтобы не вызвать подозрений, но с лихвой окупить три года моей почти бесплатной пахоты на их семейный подряд.

Глаза Руслана Магомедовича хищно блеснули. Уж кто-кто, а он отлично знал цену моим рукам и то, какие барыши приносят сделки племянника. Жадность сработала безотказно. Дядя торопливо поднялся, щёлкнул кодовым замком сейфа в углу и, довольно потирая пухлые ладони, выложил на стол увесистую пачку пятитысячных купюр.

— Ай, молодцы! Учитесь, пока я живой! — приговаривал он. — Бери, дочка, не упустите вариант!

— А те денежки, что мне за этот месяц причитаются, давайте тоже сразу, — не моргнув глазом, добавила я, сгребая пачку в сумку. — Вдруг хозяин заартачится или кто из конкурентов цену перебьёт? Я тогда из своих сразу докину, чтобы сделка не сорвалась, а завтра сочтёмся.

— И то верно! Деловая у тебя хватка, Алька, уважаю! — Руслан Магомедович без лишних вопросов достал из того же сейфа пухлый белый конверт с моей фамилией и протянул мне.

— Стараюсь, Руслан Магомедович. У лучших учусь! — усмехнулась я, круто развернулась и вышла, плотно прикрыв за собой дверь.

Никаких прощальных речей. В раздевалке и ремонтном

боксе я действовала как хорошо смазанный механизм: за пять минут покидала в дорожную сумку свой дорогущий диагностический сканер, ноутбук с программами и два именных кейса с профессиональным инструментом. Всё только своё, купленное на личные деньги — чужого мне даром не надо.

Молодые слесари, Артём с Димой, курили у выхода и удивлённо вытянули шеи, глядя, как я гружу баулы в багажник «Гольфа».

— Фёдоровна, ты куда это с вещами? — крикнул Артём. — На выезд, что ли?

— В отпуск, мальчики! В бессрочный! — подмигнула я им, захлопывая крышку багажника. — Не поминайте лихом!

Я прыгнула за руль, завела мотор и рванула к выезду ровно в ту секунду, когда Султан, наконец, нашёл телефон и дозвонился своему дядюшке.

В зеркале заднего вида мелькнуло перекошенное лицо Руслана Магомедовича, высунувшегося по пояс из окна второго этажа, а следом наперерез машине с будки КПП выскочил пузатый начальник охраны Вахтанг, на бегу размахивая руками и пытаясь опустить полосатый шлагбаум.

Ну уж дудки! Я крутанула руль, с визгом покрышек проскочила в полуметре от падающей перекладины и вылетела на шоссе, оставив охрану глотать выхлопные газы. Ни капли угрызений совести я не испытывала. Считайте это моим выходным пособием за вредность, господа Гаджиевы!

Свернув в поток машин на МКАДе, я быстро прикинула расклад. В полицию эти деятели точно не сунутся — себе дороже светить перед органами «чёрную» кассу, уход от налогов и полулегальные схемы с перебитыми номерами. А вот явиться ко мне на съёмную квартиру с разборками взбешённый бывший любовник со своими джигитами очень даже может. Значит, домой путь заказан — там меня будут караулить в первую очередь. Ну ничего, квартиру я всё равно снимала помесячно, самые ценные вещи сейчас лежали в багажнике, а документы в дамской сумочке.

Будто в подтверждение моих мыслей телефон на приборной панели наконец-то ожил и буквально взорвался. Экран замигал фотографией Султана. Я с кривой усмешкой нажала отбой. Через секунду посыпались сообщения в мессенджере и голосовые, от которых динамик едва не треснул. Сколько там было отборного мата, кавказских проклятий и обещаний закатать меня в асфальт... Мама дорогая... Следом начал трезвонить Руслан Магомедович.

— Ой, как нехорошо нервничать в вашем возрасте, Руслан Магомедович, давление подскочит, — хмыкнула я вслух.

Притормозив на заправке перед съездом на трассу М-4 «Дон», я подцепила ногтем слот телефона, вытащила старую сим-карту и без малейшего сожаления щелчком отправила в урну. Взамен вставила запасную симку, номер которой знала только Анабель Аристарховна Пузикова, залила полный бак сотого бензина, взяла большой стакан крепкого американо и

вырулила на скоростную платную магистраль.

Путь мне предстоял неблизкий — шестьсот двадцать километров на юг, в родную Воронежскую область, в городок Лиски, где жила моя младшая сестра. Если притопить педаль по ночной свободной трассе, часов за шесть долечу с ветерком.

Включив громкую связь, я набрала номер Белки. Трубку она сняла после третьего гудка:

— Алька? Ты чего на ночь глядя с запасного номера звонишь? Случилось чего?

— Случилось, Бельчонок, — весело отозвалась я, обгоняя длинную фуру по левой полосе. — Можешь танцевать и официально злорадствовать: ты была права на все сто процентов! Восточной сказки не вышло, «мусульманский мамин пирожок» оказался обыкновенным блудливым Сусликом. Причём в самом буквальном смысле.

В трубке повисла секундная пауза, после чего сестра деловито уточнила:

— Застукала, что ли? Живы все?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.